

Письмо четвертое. Богослужение

Это было на живописных берегах дивного Женевского озера, в Лозанне...

Не могу я, мой дорогой Друг, быть равнодушен к Швейцарии. Родился я и до сих пор живу в средней России, а люблю горы и море. Прекрасен и грозен наш Кавказ, но там красота какая-то строгая, порою суровая. Не хватает там горных озер. А Швейцария именно и богата прекраснейшими и красивейшими озерами, какие только и могут быть среди гор. В самом деле, такая горная страна, а почти всю ее можно проехать на пароходе! Плынешь на пароходе, а к самым берегам подходят горные причудливые громады, порою убеленныеверху снегами. С шумом свергаются с гор потоки, часто обращаются даже в водопады. Наши крымские туристы едут из Ялты смотреть на водопад Учан-Су. После швейцарских водопадов как-то и неловко упоминать о наших достопримечательностях. Соединение горных красот с красотой потоков и озер приводит во мне впечатление чего-то величественного и в то же время мягкого и нежного. Люблю

я, дорогой мой, красоту Божьего мира! Сколько раз я приходил в восторг и умиление от этой красоты! Сколько раз я хотел молиться в великом храме природы! Вспоминается мне где-то читанный рассказ про архиепископа Иннокентия (Борисова). Он смотрел восход солнца на Чатыр-Даге (о, это тоже прекрасное место!). Ему нужно было служить литургию. Он сказал: "Утреню я уже прослушал на Чатыр-Даге". Понимаю я этого святителя-поэта, святителя-художника с нежной и высокой душой! Горные вершины приближают человека к Богу и отрывают его от земли. Среди горных красот мне как-то сразу мелкими, ничтожными, несостоящими внимания кажутся все наши "дела". А оторвешься от этих всех "дел" и невольно Бога ощутишь в своем сердце. Жалею я очень, что не пришлось мне на Афоне побывать за службой в том храме, который построен на самом верху афонской горы. Думается мне, что литургия там должна быть особенной. Но среди красот природы нужна именно наша православная литургия, наша православная служба — величественная и благодарственная.

У меня, мой дорогой и прекрасный Друг, воспоминание о Лозанне знаешь ли с чем связано неравно? С мыслями о превосходстве православного богослужения пред западно-европейским еретическим. Почему так? А просто по маленькой случайности, о которой сейчас Тебе расскажу.

Когда из прибрежного Уши поднимаешься в Лозанну, на гору, то открывается прекрасный вид на Женевское озеро. Все оно среди гор. С противоположного

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

берега смотрит издали сам Монблан. В летний день озеро подернуто дымкой. Бороздят его в разных направлениях парходы. Смотришь на эту красоту — не хочется оторваться. Высоко, как бы на особом участке горы, стоит собор. Долго сидел я под тенистыми деревьями около собора, погруженный в молчаливое созерцание залитой солнечным светом прекрасной картины великого Художника мира. Какое богатство красоты в этой картине! Но вот иду в собор и... поражаюсь убожеством его строителей и "благоукрашителей". О, как досадно мне было видеть этот плод религиозного убожества протестантов именно здесь, среди восторгающей душу прелести Божьего мира! Голый серый камень стен и деревянные скамейки — больше ничего! Неужели же постоянные жители Лозанны не чувствуют этого противоречия, которое с первого разу бросилось мне в глаза, противоречия между тем, что внутри и что снаружи их собора! Крайне сота и богатство вне храма, а в храме убогое однообразие. Свои собственные дома украшают цветами, обвивают растениями, повсюду балконы. Почему же храм-то Божий должен быть без всякого убранства, сух, однообразен и неприветлив? Да, еще что я заметил в соборе! Должно быть раньше были в нем статуи. Теперь эти статуи сняты и в обезображенном виде лежат на полу в углах собора, уж не знаю зачем; должно быть, в качестве любопытного курьеза для осмотра посетителями. Такое неприличное пренебрежение ко святым Божиим!

С такими думами долго сидел я на одной из

скамеек в соборе. Была суббота. Собор был пуст. Пришел прислужник, вроде нашего сторожа, а может быть дьячка, и начал приговаривать нужное для богослужения. Обыкновенно в протестантских храмах молящиеся держат в руках *Gesangbuch*, книжку с молитвословиями. Молитвословия эти каждое отмечено особым номером. А какие номера нужно петь, — это вывешено на особой доске на стене где-нибудь, иногда в нескольких местах. Вижу, дьячек (назову его так) выдвинул из одного стола ящик. В ящике у него на карточках цифры вроде тех, что в школах употребляются, когда дети начинают учить цифры. Из этих цифр дьячек составил три или четыре номера на особой доске. Гляжу, тащит телефон к проповеднической кафедре, позвонил куда-то, должно быть, к пастору, поговорил немного, переменял на доске одну цифру, а потом всю доску повесил на стену.

Со мной вместе был мой друг и приятель по Академии, теперь преподаватель литургики в одной из семинарий. Говорю ему: "Вот тебе и весь Типикон!"

Действительно, какое упрощение службы! Ведь наш "Типикон" — книга больше тысячи страниц. А возьми единоречёское издание Типикона в кожаном переплете, — почти целый пуд весом! Сколько здесь всяких подробностей и различных тонкостей! Только посмотри какие-нибудь марковы или храмовые главы! Вот и возникает вопрос: что же лучше — наш православный Типикон или коробочка с цифрами?

Вспомни, как у Лескова тульский кузнец, побывавший в Лондоне, говорит о преимуществах право-

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

славной веры: "Наши книги не в пример толще" ("Левша").

Очень умное и совершенно справедливое суждение! В частности, его можно отнести с пользой и к богослужебным книгам. Возьми богослужебные книги протестантские и сравни их с нашим кругом богослужебных книг. Протестантскую богослужебную книжку можно прибрать в любой карман даже светской одежды. А у нас? Две триоды, два октоиха да двенадцать миней месячных — этих книг в карман не спрячешь, целый шкаф для них нужен. Может быть, все это лишнее? От многих приходилось слышать утвердительный ответ на этот вопрос. С Тобой, мой умный Друг и благочестивый, мы, кажется, почти не говорили о превосходстве нашего богослужения перед западно-европейским. Поговорим немного теперь.

Я лично в том, что "наши книги не в пример толще", усматриваю наше несомненное преимущество. Если наши книги толще, значит у нас больше работа молитвенное вдохновение, больше было у нас церковных поэтов-песнописцев и сладкопевцев. Действительно, еще до отделения Запада от Церкви на Востоке было несравненно больше церковных песнописцев и наше громадное преимущество в том, что мы не откинули с греховным пренебрежением богатого наследства древней Церкви. Мы сохранили это наследство и даже умножили его. А Запад в горделивом самообольщении вдруг все это наследство пренебрег, счел его ниже своего достоинства, заменил Типикон ящиком с карточками. Часто западные богословы

утверждают, будто Лютер и ему подобные восставили истинное древнее христианство. Загая "восстания христианства", по моему убеждению, может быть признана только крайняя нелепостью.

Можно ли пятидесятилетнему человеку восстанавить второе или третье десятилетие своей жизни. Не то же ли самое и в жизни Церкви? Каждый век имеет свои особенности, и он в праве иметь эти особенности. Дух Святой не жил только в Церкви, но и живет в ней всегда. Почему же должны быть забыты века, начиная, положим, с четвертого? А почему не возвратиться к первому веку? Есть ли граница, до которой следует "восстановлять истинное христианство"? Где она? Кто ее определял? Кто ее может определять? Эти именно вопросы, думается мне, мой дорогой Друг, необходимо ставить, когда заходит речь об "упрощении" христианского богословия, об освобождении христианства от позднейших наслоений. У нас особенно часто говорят об излишней будто бы обрядности в богослужении. Церковный Типикон иные даже зовут православным талмудом. Крайнее недомыслие! Богослужение наше осложнялось постепенно в течение целых веков. Постепенно составлялись наши толстые книги, триоди, октоихи и др. Все это можно назвать только развитием, прогрессом богослужения. В результате этого прогресса и получился Типикон, эта сводка всего лучшего, что было в продолжение веков в разных странах: и близ Иерусалима в монастыре св. Саввы, и в Царьграде в студийской обители, и на св. горе Афонской; и у нас в древней благочестивой Руси.

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

Замечательно самое название "Типикон", т. е. образец или идеал. Своей красотой идеал вызывает невольное стремление к его осуществлению, хотя редко можно осуществить идеал во всей его красоте. Наш Типикон сложнее западных богослужебных порядков и в этом я, Друг мой, усматриваю наше преимущество. Типикон роднит нас со всею вселенской Церковью, со всеми ее веками. Запад же не восстановил истинного христианства, но разорвал живую связь с целыми веками древней Церкви. Упрощение богослужения есть самоограбление. Действительно, в отношении богослужения Запад впал в нищету и убожество. В самом деле, что можно наблюдать во всех немечких кирхах? Соберутся в пустом зале, сядут по скамейкам, пропоют несколько духовных стихов, прослушают проповедь — вот и все. Скука и однообразие самые убийственные! Разве это не замечательно, что при всем богатстве западной культуры, при постоянном усложнении жизни, богослужение западное становится все более и более бедным, безличным, упрощенным, бесцветным! Не то у нас. Конечно, у нас настоящая богослужебная жизнь поддерживается преимущественно и почти даже исключительно в монастырях. Приходские храмы слишком удалились от типиконного идеала и обезличили наше дивное богослужение. Я искренно жалею, что Ты, Друг, при всем своем благочестии (я знаю его!) мало видишь и понимаешь красоту нашего богослужения. Нужно больше бывать в монастырях. В монастырях каждый праздник имеет свой особый характер. Ведь в Типиконе даже и

ПИСЬМА О ЗАПАДЕ

напевы особые положены на каждый большой праздник, поются "стихиры самогласны". Заранее ждешь, как будут петь стихиры, например, Благовещения, "Августу ёдиноначальствующу" в Рождество, "Преславная днесь" в Троицу. А какое разнообразие служб! Рождество и Крещение с их "навечериями", великий пост и пятидесятница... Ах, Друг, как мне жалко бывает светских людей, которые или совсем не бывают за богослужением, или ходят к одним только обедням! Обедня — это уже конец праздника. Для меня лично в сравнении с богослужением прямо жалкими и бедными кажутся всякие оперы, концерты и т. д. Бывают дни, когда богослужение и приходских храмов дает возможность хоть отчасти понять и почувствовать красоту православного богослужения. Эти дни — последние дни страстной недели и вся пасхальная неделя. Об этих днях мне нечего Тебе говорить. Ты сам их знаешь и, надеюсь, чувствуешь своим сердцем всю их неизъяснимую красоту. Ну, вот и вообрази, дорогой мой, что вместо утрени в великую пятницу и великую субботу, вместо пасхальной утрени собралась бы мы, сели на скамейках, пропели под музыку несколько стишков и разошлись бы по домам! Ведь это же было бы обидой, насмешкой, оскорблением. Вот что получается от "упрощения" богослужения, от восстановления первохристианской простоты!

Итак, Друг мой, я ничуть не завидую западным, что у них вместо Типикона ящик с цифрами. Сложность нашего богослужения — это признак того, что мы живем церковной жизнью. Нечего нам стыдиться

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

своего Типикона и как бы извиняться за него перед просвещенными европейцами или русскими западниками. Невежество и полная невоспитанность в церковном смысле — вот единственные причины высокомерного отношения к богослужебным уставам православной Церкви.

Но, может быть, еще более важное преимущество нашего богослужения откроется, если мы обратим внимание на его внутреннее содержание. По своему внутреннему содержанию и даже по внешнему изложению западное богослужение крайне бедно и поразительно бездарно. Сколько я ни читал западноевропейских богослужебных книг, — только укреплялся в своем низком мнении об их содержании. В западном богослужении нет богословия, мало вообще мысли. Зато в нем слишком много крайне для меня противного sentimentalного какого-то фамильярничанья с "Иисусом". Наше богослужение прямо насыщено богословием и богословием, притом, самым чистым и возвышенным. Ведь большинство наших церковных песнопений составлено еще в период святоотеческого дерзновения богословской мысли, составлены иногда великими богословами, например, преп. Иоанном Дамаскиным, этим величайшим религиозным поэтом. Ведь только у нас в богослужении есть "догматики". Помнишь, Друг мой, в ночь под Рождество я писал Тебе о том искажении христианского жизнепонимания, которое утвердилось в западном богословии — равно и у католиков, и у протестантов: там идет речь об искуплении, об освобождении от

наказания за ос-корбление грехом правды Божией. Христианство обращается в какую-то бессмысленную торговую сделку с Господом Богом. Когда наше школьное богословие подпало под вредное влияние богословия западного, тогда и у нас начали мудрствовать подобным же образом. Но я тогда же писал Тебе, что древне-церковное богословие было проникнуто совсем иными идеями. Там господствовала идея обновления естества человеческого, идея его обожения чрез воплощение Сына Божия. Грех — это не преступление, а болезнь, тление природы, которое внутренне связано со страданием, тогда как освобождение от греха, от тления дает блаженство. Сама добродетель есть блаженство, а грех есть страдание. И вот замечательно, что в богослужении нашем на каждом шагу встречаешься с этими именно мыслями. Наше богослужение — это живая стихия древне-церковного святоотеческого возвышенного богословия. Кто сколько-нибудь знаком с древнецерковным учением о спасении, тот в каждой почти молитве, в каждой почти стихире будет слышать отзвуки этого именно высокого учения. Не напрасно "послание патриархов" говорит о наших богослужебных книгах, что они "содержат здоровое и истинное богословие". Да, Друг мой, если наше восточное православное богослужение сравнить с западным по их идейно-богословскому содержанию, то наше превосходство будет бесспорным. Запад, особенно немецкий, протестантский, отверг глубокие по содержанию песнопения древнецерковных вдохновенных песнописцев и стал употреблять

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

стишки своих собственных мастеров. На Западе не только школьное богословие порвало с церковной истиной, но и самое богослужение. Запад отбросил прекрасное наследство древности и заменил его своим убожеством. Это характерно вообще для всякой горделивой ереси: хочу непременно своего, пусть оно будет и плохо. Посмотри на сектантство наше, на это исчадие Запада. Триоди и октоихи отвергнуты и заменены бездарными переводами г. Проханова с немецкого и английского языков. Видал ли Ты, Друг мой, сектантский сборник песнопений "Гусли"? Меня в "Гуслих" прямо огорчает идейное убожество, скудоумие богословское, общая бездарность. Подумай, Друг, и согласись со мной, что Восток богаче и умнее Запада в своем служении Господу Богу.

Сравни, Друг, даже внешнюю форму наших богослужебных песнопений с формой западных, и снова несомненное превосходство на нашей стороне. Какая широта, какой полет мысли и фантазии в наших песнопениях! Почитай догматики, стихиры на Благовещение, службу страстной недели, припомни кондак Рождества, Троицы, Покрова и многое подобное! Если все это ценить только с художественной точки зрения, и то, думается мне, нельзя не прийти в восторг. Западные богослужебные песнопения ни в какое сравнение идти не могут.

Обрати, Друг мой, свое внимание даже и на напевы. Не могу сказать, чтобы я много слышал светского пения, но все же кое-что слышал; только оно никогда не могло произвести на меня такого впечатления, как

ПИСЬМА О ЗАПАДЕ

наше церковное пение. Искренно жалею Тебя, Друг мой, что Ты мало знаешь церковное пение и мало его ценишь. А мне светское пение кажется просто бедным и скучным. Западное церковное пение существенно отличается от нашего. В нашем церковном пении господствуют две стихии: величественно-торжественная и умирительная "со сладкопением". Даже в нашем священном осмогласии можно различить эти два элемента. Сравни, например, третий глас с восьмым. Стихиры самогласны обыкновенно величественны и торжественны; напевы "на подобны" большей частью трогательно-умилительны. Пишу сейчас я Тебе, Друг мой, про "самогласны" и "подобны" и думаю невольно: "А ведь для Друга твоего все это пустые слова!" Жалко, жалко, дорогой мой, что оперы разные Тебе больше знакомы, чем "подобны" и "самогласны"! А все это узнать можно в монастырях, потому что в приходских храмах, особенно в московских, утвердилось теперь самые дурные напевы разных "композиторов". Эти напевы меня оскорбляют и возмущают, но разные монастырские напевы всегда восхищают. Пение Киево-Печерской Лавры, нашего Гефсиманского сѣита, Зосимовой пустыни ("Благослови", "Блажен муж"), стихиры Оптинские — какая все это роскошь, какая восхитительная музыка! В западном пении особенно поражает меня господство жалобных мотивов. Эти жалобные мотивы господствуют на Западе даже там, где у нас гремит торжественно. Слыхал ли Ты, Друг, хотя бы в польском костеле, как поют там "Святой Боже", особенно "змилиўсе над

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

нами"? И как эта же ангельская песнь поется у нас, например, за архиерейской обедней? И вот, на мой взгляд, весьма знаменательный факт: Запад очень горд своей культурой, своей свободой, своим просвещением, а соберутся в костел или кирху и запоют жалобно с каким-то рабским духом. Да, в западном христианстве (если можно о таком говорить) рабский дух. Богословие и церковная практика внушает там человеку, что он преступник, достойный лишь кары Божественного правосудия. Веками воспитался на Западе в сфере религии именно рабский дух, потому и напевы там жалобны. Я невольно проводил параллель. Богатые, чисто одетые, самодовольные западные люди соберутся в свою кирху, сядут по скамейкам и... поют жалобно, будто преступники просят пощады. А у нас сермяжная Русь с котомками за плечами соберется на богомолье в святую обитель, битком набьется в храм, едва стоять можно, а с клироса несутся громкие торжествующие напевы, будто победоносное войско идет вперед. Да, Друг мой, православию — вера не рабов, но свободных, не наемников, но сыновей, не преступников, с трепетом ждущих казни, но воинствующих на греховные страсти подвижников, которым уготовляются на небесах венцы нетления.